

Я верю, что дети будут начинать читать и писать без «гаджетов», чтобы сохранить естественное, не искажённое оцифрованное восприятие окружающего нас мира. А учителя, писатели и художники им в этом помогут. Пусть «цифирь» служит технике и абстрактным понятиям. Дети же пусть смеются с озорными зайчатами, страшатся злых волков, остерегаются хитрых лис (в жизни пригодится!), путешествуют с Емелей на печи, и ещё много чему радуются на Родине.

Для этого были у нас центральные издательства «Детская литература», «Малыш», «Школьная библиотека», «Библиотека детского сада» и многомиллионные областные издательства многонационального государства с местными детскими радостями. У кого верблюжонок, у кого ездовой оленёнок или собачья упряжка. Изба, хата, чум, юрта... Даже в Москве с высотками есть зоопарк.

Больше всего маленькие дети любят сказки и животных. У нас была замечательная школа художников иллюстраторов детской книги: Ю. Васнецов, Е. Чарушин, В. Лебедев, В. Курдов, В. Конашевич. А началось всё ещё в начале XX века с работ А. Бенуа («Азбука в картинках») и детских книжек с рисунками И. Билибина, Г. Нарбута, Д. Митрохина и их последователей. А Бенуа писал: «Это могучее культурное средство, которое предназначено сыграть в русской образованности более благотворную роль, нежели мудрейшие государственные мероприятия и все потоки научных слов о воспитании».

Знакомые мне художники детской книги моего поколения Н. Чарушин, Т. Капустина, П. и Ю. Швецы, Е. Васнецова продолжили эту линию «поэтического реализма». В их числе была моя подружка по двору на Таврической улице и одноклассница Татьяна Прилепская. Она родилась в Москве, отец был военным, и семья

¹ Прилепская – девичья фамилия Татьяны Дмитриевны Васильевой.

последовала за ним в Ленинград. Позднее, уже без взрослой Тани, они с её братом уехали в Харьков.

В конце школы Таня посещала вечерние классы рисования на Таврической же, в доме «Башни Вячеслава Иванова», где и в его время были рисовальные классы Званцевой. После школы она поступила в Художественное училище им. В. Серова около Смольного (сейчас там расположено Генеральное консульство Великобритании), а после него – на графическое отделение Академии художеств, которое и окончила по классу А.Ф. Пахомова. В течение всей учёбы Тане приходилось подрабатывать, так как отец ей денег не давал. После десятого класса наш

учитель математики, назначенный директором другой школы, взял её к себе учителем рисования, а в Академии художеств студентам давали возможность заработка «техническими» рисунками для специальной, в том числе ветеринарной литературы. В общем десять – лет профессиональной учёбы!

Вышла замуж Таня за академического студента Валентина Васильева, живописца, если не ошибаюсь. Его творчество запомнилось мне портретами генсека и членов политбюро на видных местах 7-го ноября и 1-го мая. Действительно хорошие были портреты. Может быть, лучшие в стране. Васильев руководил их созданием в павильонах Ленэкспо в Гавани, где я тогда жила и наблюдала творческий процесс за стеклянными стенами. Помню огромные холсты на подрамниках и глаза, и очки Андропова. Остальное ещё не было дорисовано. Позже я ехала в такси с трёхлетним сыном мимо этих портретов, и он вдруг громко сказал: «Брежнев, Косыгин, Суслов и другие официальные лица» (С папой смотрел программу «Время»). Шофёр чуть руль из рук не выпустил.

Жизнь с Васильевым у Тани не сложилась, и она одна работала и растила сына. Заработала на кооперативную квартиру и замечательную деревенскую няню, малым не Арину Родионовну для Пети. Маленький Петя хорошо рисовал и отличался непосредственностью. Однажды редактор издательства познакомил Татьяну с московским журналистом и писателем, автором книги, которую она должна была иллюстрировать.

Это был Александр Сергеевич Барков, внук А.С. Баркова, члена Академии педагогических наук и автора учебников по географии. Когда Барков пришёл к Тане домой знакомиться с сыном и «Андревной», те его сразу раскусили. На вопрос Баркова, бывают ли у них мужчины, Петя сказал: «Бывают». – «И что они делают?» – «Пьют, гуляют, стёкла бьют». И продолжал рисовать птичек за специальным маминым столом для рисования. «Андревна» поджала губы. Учёный дед Барков был членом дачного кооператива РАНИС на Рублёвском шоссе, ещё не ставшим нынешней Рублёвкой. Таня с Барковым поженились и жили на барковской даче, куда с появлением олигархов таксисты заламывали невероятные цены. По переезде в Москву Барков в сопровождении школьника Пети был отправлен в Харьков знакомиться с Таниными родителями. Приехали, нажали дверной звонок. Петя сказал улыбающимся деду с бабкой: «Знакомьтесь. Это писатель Барков. Написал рассказ “Ночной звонок”. Ночью кто-то звонит в дверь. Хозяева открывают, а там никого нет. Это хулиганы звонили».

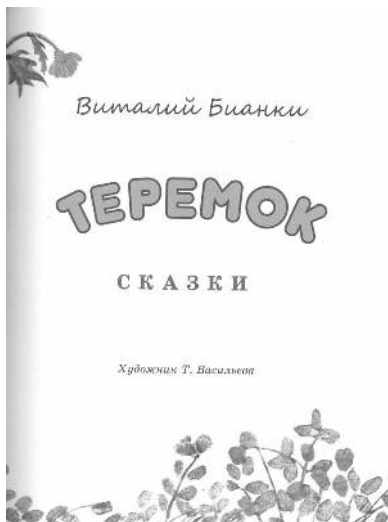
Так Таня вернулась в Москву, и мы разве что разговаривали по телефону. Некогда нам было. Спрашиваю её: «А в какую художественную школу Петя ходит?» – «Ты знаешь, он теперь увлёкся фармакологией, какие-то у него специальные книги». В то время скрывалось наличие наркомании и токсикомании в стране. Родители даже с медицинским образованием могли не заметить начало наркомании у своих детей в медицинских вузах. Мой сын проходил службу в армии в Петрозаводске в 1987-88 гг. Я его навещала. В центральной газете Карельской АССР работала моя соученица по филфаку ЛГУ с отделения журналистики Е.В. Крохина, чей сын тоже попал в беду. Она и заказала мне интервью с зам. директора Психоневрологического Института им. Бехтерева – Личко, обещая опубликовать его полностью. Личко удивился, но был рад такой возможности и рассказал всю нашу историю, начиная с медицинского морфия, среднеазиатской конопли и южных маков. Добавим токсикоманию подростков, безрецептурную выдачу кодеина и других препаратов в аптеках и безнаказанное из-за умолчания хищничество дельцов.

Это была первая публикация в нашей стране. Свой машинописный текст я, наверное, выбросила; ксероксов тогда не было, технически копировать не разрешали, и когда ко мне пришли из милиции с просьбой дать текст для оперативной работы, я нечаянно отдала все экземпляры газеты. А сын Жени Крохиной вскоре погиб.

Сына Тани не удалось перехватить. Сейчас ему 48 лет, и он уже давно в подмосковном Психоневрологическом интернате, очень хорошо. Его время от времени отпускали к матери. Он дружен со своим погодком и соседом по даче Сергеем Караханяном. В прошлом году скончался муж Тани у неё на глазах. Остановилось сердце. Они прожили вместе 38 лет. А 27 апреля этого года не стало Тани. Во сне. Она долго была в инвалидной коляске из-за ревматоидного артрита.

У меня нет списка иллюстрированных ею книг (их много!)². Нет литографий – мы их раздаривали. Я всё надеялась доехать до неё. Остались воспоминания о её скромности и энтузиазме. Она очень любила природу и животных, часто хваталась за карандаш, чтобы зарисовать позу, движение или сценку, была чувствительна к «ауре» места. До переезда часто бывала у нас летом в Академпосёлке в Комарово. Однажды специально приехала, чтобы встретиться с писателем Фёдором Абрамовым, показать макет заказанной ей книги Абрамова «Из рассказов Олёны Даниловны». Абрамов учился вместе с моим мужем и заходил к нам, когда жил в Доме творчества писателей в Комарово. Деревянные дома в смешанном лесу, дети, собаки, прибрежные дюны с цветущими травами пробудили у неё мечту о серии литографий. И заставила содрогнуться затесавшаяся в Академпосёлок каменная двухэтажная розовая дачица онколога Холдина, известная как «раковая шейка». У меня в городе, увидев после долгого отсутствия трёх моих кошек, тотчас же нарисовала каждую. А как рассказывала о своих немногочисленных поездках! Была на Белом море, сделала серию литографий и для Петрозаводского издательства проиллюстрировала рассказы местных писателей. (За границей

² Татьяна Васильева проиллюстрировала много книг для детей. Она оформила: Д. Мамин-Сибиряк «Аленушкины сказки» (1985), «Серая Шейка» (1978); М. Пришвин «Охота за бабочкой» (1998), «Ярик» (1980), «Зверь бурундук» (1978), «Журка» (1976), «Лисичкин хлеб» (1977); В. Бианки «Как муравьишка домой спешил», «Лесные домишки», «Хитрый лис и умная уточка» (1987); А. Барков «Как медведя будили» (1981), «Азбука живой природы»; О. Перовская «Ребята и зверята» (1983); Н. Сладков «Свист диких крыльев» (1977), «Сорочьи тараторки» (1974); В. Чаплина «Мои питомцы»; И. Акимовский «Природа – чудесница» (1984); С. Иванов «На пасеке» (1989); В. Гаршин «Лягушка-путешественница» (1989); Л. Кухта «Белый колокольчик» (1982); С. Капутикян «Маша обедает» (1985); А. Блок «Зайчик» (1989); О. Романовский «Охотничий рог» (1979); А. Кондрачев «Если встретите собаку» (1986); Е. Чарушин «Перепелка» (1988); В. Орлов «Первая дорожка» (1980); В. Степанов «Букварь»; русские народные сказки и многие другие детские книги (Интернет. Прим. ред.).

Васильева. Теремок

не была ни разу.) Помню, что отвезли её на лодке на прибрежный островок с домиком – сторожкой местного рыбацкого или охотничьего хозяйства. Проживала там немолодая сторожиха. Таня была в восторге: заливчик, вдали берег и островки, а птиц, птиц! Сидит Таня на своём складном стульчике и рисует, рисует. А сторожихе нужно было на берег за указаниями и запасами. Она отплыла. Таня осталась одна. Начался прилив. На Балтике нашей его нет. Еле успела схватить блокнот и стульчик и рвануть к сторожке. А там окошки маленькие, дверь без замка. На кой он! Тётка что-то задержалась. Ладно вечера на Севере светлые.

Сидит Таня у окошечка пьёт чай. Видит, медведь (бурый, конечно) подплывает, отряхивается и топает к домику! Быль, не сказка. Таня в дверную ручку суёт ножку табуретки, подпирает стол и кричит: «Миша, уходи!». И ложкой стучит. Еле уговорила. Тётка пригребла утром.

– Ой, да я ж не знала, что они меня там задержат. Не успела тебе сказать, что надо лопатой по ведру бить, он только этого и бо-

Васильева. Хитрый лис

Крестьянские дети.
Худ. Н. П. Богданов-Бельский

«Устный счет». Худ.
Н.П.Богданов-Бельский

Картины Н.М. Богданова-Бельского

Иллюстрации Г. Спирина

ится. Угощения ждёт. Я ему на камушках оставляю. Он у всех лакомится.

– А если застрелят его?

– Чего стрелять? Это его угожья. А мы пришлые.

Вот так с каждой литографией.

Хотела Таня сделать набор для комплекта матрёшек: медведь, в медведе – волк, в волке – лиса, в лисе – заяц, в зайце – белочка. Но как-то не сложилось. Надо было достать «бельё» (не расписанные заготовки), договориться с артелью в Загорске.

Таня сохранила оригиналы иллюстраций и макеты книг, поэтому, когда возникшие новые маленькие издательства (после советских миллионных тиражей госиздата) обращались к авторам или наследникам с предложением переиздания, её могли публиковать в прежнем формате и цвете, в отличие от переизданий по книгам, бледнившим цветовую насыщенность.

Вот уже несколько лет издают нашу замечательную детскую классику под грифом «Шедевры иллюстрации», начиная с А. Бенуа и до современного Геннадия Спирина. Передо мной две книги Л. Толстого для его деревенской школы: «Котёнок» с картинками моей Тани (1976 г.) и невероятно виртуозно иллюстрированный «Филиппок» Спирина (2014 г.).

Таня изучала местность, постройки, одежду – всё неброское, бледноватое. Посмотрим передвижника Богданова-Бельского с его картинами сельской школы времён Толстого: «Устный счёт», «У дверей школы». Лапти, онучи, заплаты, сумы...

И «художественной фотографии» какой-то волшеббно зажиточной деревни – крестьянский рай – Геннадия Спирина. Похоже, он видел дореволюционные пасхальные открытки художницы Елизаветы Бём. Филиппок одет как мальчик, идущий христосовать. «Сусальная картинка» так в советское время клеймили идеализацию, «приукрашивание» реальности.

Скорее всего, нужны разные грани художественного восприятия жизни, чтобы воспитать у детей чувство Родины.

Санкт-Петербург